

Токарева Юлия

Любочка...

12+

Юлия Алексеевна Токарева Любочка...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487174

SelfPub; 2020

Аннотация

Произведение основано на реальных событиях, произошедших в годы Великой Отечественной войны. Это история двух сестёр, попавших в концлагерь. Двух маленьких девочек, которые всеми силами пытались выжить и не потерять память о своём прошлом.

Мне повезло, моя прабабушка смогла прожить несколько лет после моего рождения. Помню её добрые глаза и мягкие руки. Я часто заходила к ней в комнату и переставляла предметы, стоящие на трюмо. Трюмо – это такое трехстворчатое зеркало, прикреплённое к тумбочке с двумя дверцами и тремя ящиками. Сейчас такое редко увидишь, и само слово практически не употребляется в современной речи.

На одной из створок зеркала висело несколько фотографий, они были прижаты полукруглыми железками. Так как мой рост не позволял к ним дотянуться, то в один из дней, когда бабушка вышла из комнаты, я подтащила к трюмо стул и достала с него все фотографии. На одной из фотографий я узнала свою любимую крёстную, сестру моей мамы. Она была запечатлена в каком-то интересном наряде и с длинной косой. Когда бабушка вернулась, я сразу же показала ей эту фотографию и спросила:

– Ба, а когда у тёти Светы были такие длинные волосы?

– Что ты Юляша, это не тётя Света, это моя сестричка Любочка.

Мне показалось, что бабушка стала грустной, но моё любопытство было сильнее меня:

– Ба, а где твоя Любочка? Почему я её никогда не видела?

– Любочки больше нет на этой Земле, она живёт высоко на небе.

– Ба, как она попала на небо, расскажи мне...

Бабушка начала свой рассказ, а я была настолько пораже-

на им, что, кажется, запомнила его на всю свою жизнь:

«Был жуткий февраль 1942 года. Вокруг гремела война. Сильные морозы, непрекращающийся ветер, снегопады. Мне казалось, что наш маленький домик завалится на один бок.

Нас было четверо: я – Рая, (мне – десять лет), моя сестра Любочка шести лет, мой брат Коля двух лет и мама Мария, она ждала ещё одного ребёночка.

Мимо села, в котором мы жили, проходила железная дорога, но поезда уже месяц по ней не ходили. Вдруг однажды ночью мы услышали звук приближающегося поезда. Женщины и дети вышли из домов. У всех была надежда, что это наши солдаты приехали помочь в трудную минуту.

Это был товарный состав без опознавательных знаков. Он стоял в темноте, из некоторых дверей вагонов пробивались лучики света. Вот один вагон открылся, из него выпрыгнул человек в телогрейке и закричал:

– Женщины, вы жить хотите?! Если хотите – хватайте детей и прыгайте по вагонам! Завтра от вашего села останутся только головешки!

На удивление паники не было, все вернулись по домам и где-то через час стояли с узлами и детьми возле состава. Из вагона выпрыгнуло ещё несколько человек, они начали помогать мамам садиться в вагон, подкидывали детей и узлы. Когда вагон наполнялся, двери закрывали и открывали следующий. Всех погрузили, и состав тронулся.

Я так устала, что сразу заснула. Проснулась я от грохота открывающейся двери. Тот же человек в телогрейке сказал всем выходить, нас пересадили в грузовики и опять повезли. Грузовики были полностью закрыты тентом, и мы не видели, куда нас везут.

Почему-то все молчали, никто из детей не плакал. Сколько мы ехали, я не знаю, часов ни у кого не было, но все уже начали замерзать. Машины остановились и, когда открыли тенты, я увидела, что на улице опять ночь. Нас всех спустили с машины, и повели к какому-то длинному зданию, тот же в телогрейке сказал:

– Сегодня спите здесь.

Уже всем было всё равно, где спать, настолько все устали. Это был, какой-то длинный амбар, на полу лежало сено, в углах стояли две бочки с водой. Все бросились к воде, так как очень хотелось пить. Сначала была суматоха, но потом всё успокоилось. Мы обнялись с Любочкой, и я сказала ей, что мне кажется, что это самый ужасный день в моей жизни. Как же я ошибалась!

Наступило утро. Дверь амбара открылась, и зашло сразу несколько человек. Они приказали быстро вставать и выходить без вещей на улицу. Нас толкали и подгоняли. Когда я вышла из амбара, то пришла в ужас. На улице, вдоль всего амбара, стояли люди одетые в военную форму с собаками, они переговаривались и смеялись, глядя на нас.

Все женщины начали кричать, хватали детей и пытались

в селе по рельсам возили уголь. Маленьких детей бросали в эту вагонетку, а детей постарше заталкивали в открытую дверь здания.

Когда очередь дошла до меня, мужчина в телогрейке попытался забрать у меня Коленьку, но мои руки словно окаменели, он не мог разжать мои пальцы. Он посмотрел мне в глаза и сказал:

– Девочка, я сейчас отрежу тебе руку.

Я разжала пальцы... Крик брата навсегда остался в моём сердце, моя сестра Любочка кричала ему вслед, я пыталась закрыть ей рот рукой, боясь потерять и её. Коленьку кинули в вагонетку и покатали её дальше. Я посмотрела на него в последний раз...

Нас завели в здание. Все дети уже стояли без одежды, с нас её тоже сняли. Мы не сопротивлялись, уже не было сил. Нас отвели в длинную комнату, там полили каждого из ведра какой-то вонючей жидкостью. Наши волосы сбрили и сказали одеваться. Затем отвели в барак. Мы не ели два дня, желудки крутило, хотелось пить, уже никто не плакал, так как сил не осталось.

Я отключилась, но это был не сон, а какое-то полусознательное состояние. Когда я очнулась, я долго не могла понять, где я. Так прошло несколько дней или недель, я не могла понять, когда день сменялся ночью, так как в бараке не было окон – там была всегда ночь. Нас редко кормили, но я даже не понимала, что ем. Любочка клала мне в рот кусочки,

а я просто жевала. Она держала меня за руку и повторяла:
– Я Любочка Сябро, а ты Рая.

Моё сознание постепенно возвращалось, я начала чаще вставать и сама подходить за едой. Её раздавал немец в белом фартуке. Он был молчаливым, но взгляд его был таким суровым, что все дети его боялись. Процесс раздачи еды проходил в полной тишине.

Я заметила, что когда мы с Любочкой подходили к столу, то немец начинал улыбаться, и мне даже казалось, что наши куски хлеба были немного больше остальных, а каша в котелке – погуще. Однажды, когда мы подошли к столу, он повернулся к солдату, который его сопровождал, показал на меня и Любочку и что-то сказал на своём языке. Солдат посмотрел на нас, покачал головой и сказал:

– Эй, вы двое, пойдёте с ним на кухню!

В моей голове, проносились разные мысли, пока мы шли за поваром. Самая безобидная – что из нас сварят суп. Пришли на кухню, она была огромная и чистая. Солдат бросил фляги в угол, посмотрел на нас:

– Будете тут помогать, – сказал и ушёл.

Повар подошёл к Любочке, погладил её по голове, достал котелок, налил ей горячий суп, дал ложку и вышел в другую комнату. Мы ели одной ложкой, слёзы катились по моему лицу, страх куда-то ушёл, и я сказала Любочке:

– Веди себя хорошо, чтобы нас отсюда не прогнали.

Я не понимала, почему немецкий повар выбрал именно

нас, почему вместо грубости, он отнёсся к нам по-человечески. Повар вернулся, посмотрел на Любочку, показал себе на грудь:

– Ганс, – сказал он, а потом показал на неё пальцем.

– Любочка! Её зовут Любочка, а я Рая! – крикнула я вместо неё.

Немец повторил наши имена и показал пальцем на мешок картошки, который стоял в углу. Картошку я чистить умела.

Мы сидели в углу. Я чистила картошку, а Любочка её мыла и перекладывала в ведро. Мои руки уже устали, но я не подавала виду, мне хотелось подольше задержаться на этой тёплой и светлой кухне. Картошка закончилась. Я положила несколько картофелин в валенки, Любочка сделала то же самое.

Мы подошли к Гансу, робко потрогали его за рукав и показали пустой мешок. Ганс погладил Любочку по голове, наклонился и сунул ей за пазуху какой-то свёрток. Пришёл солдат и увёл нас обратно в барак. Наше место уже было занято. Дети решили, что мы уже не вернёмся. Детей часто уводили, и они не возвращались.

Я вытащила картошку из валенок и отдала её детям, Любочка сделала то же самое. Картошку делили на маленькие кусочки и ели, все были голодными. Детей кормили один раз «водяной» кашей, мы её так называли, потому что крупинки плавали в ней в очень ограниченном количестве. Любочка достала свёрток, развернула его, и мы обомлели... Там ле-

жал кусочек сала, кусочек хлеба и четыре конфеты. Конфеты! Я не видела их с начала войны. Мы откусили от хлеба и сала по два кусочка, остальное отдали маленькой девочке, которая спала рядом с нами. А конфеты? Мы не смогли ими поделиться, мы их съели сами.

Наши дни потянулись бесконечным ожиданием Ганса. Он забирал нас на кухню после раздачи еды, кормил и давал не тяжёлую работу. Замечал, что мы прячем картошку в валенках, но замечаний не делал. Каждый день он клал за пазуху Любочке свёрток, обязательно с какой-нибудь сладостью. Это могли быть маленькие кусочки сахара, конфетки, однажды там лежали два маленьких яблочка.

Прошла зима, весна, лето, осень и опять наступила зима, а потом времена года сменились ещё раз. Одни дети умирали, других – куда-то уводили, приводили новых. Каждый жил в страхе, я не слышала детского смеха, дети просто сидели каждый на своём месте. От недоедания хватало сил только на сон. Каждую ночь перед сном, Любочка шептала:

– Меня зовут Любочка Сябро.

Я спросила у неё, зачем она это делает. Она посмотрела на меня своими глазками и сказала:

– Раечка, а ты помнишь нашу маму? Ты представляешь себе её лицо? Я боюсь забыть. Я боюсь, что когда мы встретимся, она не узнает нас, а мы её не узнаем.

Я схватила её в охапку, прижала к себе и сказала:

– Что ты, я узнаю маму из тысячи мам. Ты только держи

меня всегда крепко за руку, чтобы не потеряться.

В один из дней мы пришли на кухню. Ганс сидел за столом, перед ним лежала фотография, он смотрел на неё, и в глазах у него стояли слёзы. Солдат окликнул Ганса, и они вышли на улицу. Я подошла к столу и посмотрела на фотографию, на ней была запечатлена молодая женщина и Ганс, а на его коленях сидела... Любочка. Да это была копия Любочки! И я поняла, почему Ганс с такой теплотой относился к моей сестре. Её сходство с дочкой Ганса спасло нам жизнь.

Наступила весна. Сквозь сон я слышала сильный шум. Застрелотали автоматы, залаяли собаки, что-то взрывалось. Мы все подскочили со своих мест, потом кто-то крикнул:

– Ложись!

Я схватила Любочку, мы упали и начали посильнее прижиматься к полу. Вдруг наступила тишина, мне показалось, что она длилась, целую вечность. И тут ворота нашего барака раскрылись, зашли солдаты и сказали нам на чистом русском языке:

– Дети, выходите! Мы – солдаты Красной Армии, освободили вас из плена.

Все начали выходить на улицу. Когда я проходила мимо солдата, то увидела, что у него по щекам текли слёзы. Да, без слёз смотреть на нас было нельзя. Из барака выходили маленькие скелетики, одетые в грязные лохмотья. На улице напротив барака нас выстроили в шеренгу. Я увидела, как к нашему бараку бегут люди. Это были люди-тени, мне казалось,

что солнце, которое осталось позади бегущих, просвечивает их насквозь. Не добежав до нас пару метров, они остановились. Они смотрели на нас непонимающим взглядом, протягивали в нашу сторону руки, беспомощно оглядывались. И тут Любочка бросила мою руку, выбежала перед шеренгой детей, повернулась к ним и закричала:

– Это же наши мамы!

Потом повернулась к мамам и крикнула:

– Я Любочка Сябро!

Одна из «теней» побежала к ней навстречу, она упала перед Любочкой на колени, начала её целовать и прижимать к себе. Мамы начали выкрикивать имена, дети тоже кричали, кто-то находил друг друга. Кто не находил – бежал к другому бараку.

Я подошла к Любочке. Да, рядом с ней на коленях стояла наша мама, но я бы ни за что её не узнала. Прошло больше трёх лет. Из красивой и ухоженной женщины она превратилась в сгорбленную старушку. Да и нас узнать было невозможно. Перед мамами стояла кучка побритых налысо, одинаково одетых детей.

– Мамочка, родная! – это было всё, что я смогла произнести.

Она обхватила нас двоих, непонятно откуда взялись силы в её руках.

Женщины продолжали метаться между бараками. Они жили все эти три года только мыслями о детях. Надежда,

что они живы, придавала им силы. Но многие дети не знали своих фамилий, они их забыли. Дети вглядывались в лица матерей, пытаясь узнать в этих измученных женщинах свою единственную. Не всем повезло найти своего ребёнка. Не все дети дождались своих матерей.

Потом была долгая дорога домой. К счастью, наш дом остался целым. Война закончилась. Наш отец вернулся с фронта, и тепло начало возвращаться в наши сердца. Нашего братика Колю мы так и не нашли. Детей младше пяти лет в лагере не держали. Куда их увезли – никто не знал. Мама ещё долго пыталась его разыскать, но всё безуспешно.

Любочка после войны прожила только четыре года. Она заболела менингитом, а в послевоенное время эту болезнь лечить было очень трудно. Это была для меня большая потеря. Ещё долго после её смерти, перед сном мне казалось, что я слышала её шёпот:

– Меня зовут Любочка Сябро.

Моя Любочка, моя сестричка, мой ангел...»

Прабабушка закончила свой рассказ, подошла к трюмо и прикрепila все фотографии на место.

Прабабушка уже покинула наш мир. Но, когда я листаю альбом с её фотографиями, я вспоминаю все рассказанные истории. Их было много, но рассказ о Любочке остался в моём сердце навсегда.

Конец.